

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

DOI 10.35775/PSI.2026.133.4.018

УДК 32

Б.Б. ГУРОБАЗАРОВ

аспирант, Байкальский институт
природопользования СО РАН,
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ
Email: ba1n@mail.ru

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ: В.С. БАТОМУНКУЕВ

кандидат географических наук,
Байкальский институт природопользования СО РАН,
Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ

ГЕОПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ФАКТОРЫ И БАРЬЕРЫ ИНВЕСТИЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В статье на основе компаративного географического анализа выявлены геопро-
странственные факторы и системные барьеры, определяющие инвестиционную привле-
кательность Иркутской области и Республики Бурятия в контексте реализации про-
екта магистрального газопровода «Сила Сибири-2». С применением индексного метода
(индекс Херфиндаля-Хиршмана), метода рангов и корреляционного анализа показано,
что Иркутская область выступает ресурсно-индустриальным регионом с высоким
уровнем специализации ($HHI_ВРП > 0,22$) и моноотварной структурой экспорта ($HHI_экспорт > 0,35$), тогда как Республика Бурятия характеризуется умеренно диверси-
фицированной экономикой ($HHI_ВРП = 0,11-0,13$) и критической потребностью в гази-
фикации. Установлено, что инвестиционные барьеры имеют принципиально разную
природу: в Иркутской области доминируют экономические и корпоративные ограни-
чения (капиталоемкость, монополизация, дефицит пропускной способности железных
дорог), в Бурятии же инфраструктурные и институционально-экологические (отсут-
ствие магистрального газа, жесткие ограничения Байкальской природной террито-
рии). Полученные результаты служат основой для разработки дифференцированной
региональной политики, направленной на закрепление мультипликативных эффектов
от реализации крупных инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: экономика, экономическое сотрудничество, Россия, Китай, энергетика, приграничные регионы, инвестиционные барьеры, индекс Херфиндаля-Хиришмана, газопровод «Сила Сибири-2».

В течение последнего десятилетия приграничные регионы Восточной Сибири приобретают все большее значение в системе внешнеэкономических связей Российской Федерации. Переориентация экспортных потоков углеводородов с традиционного европейского направления на быстрорастущие рынки Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), особенно после событий 2022 года, вывела на первый план необходимость ускоренного развития транспортной и энергетической инфраструктуры восточных территорий [14; 27]. Центральным событием, определяющим долгосрочные перспективы, стало подписание в сентябре 2025 года юридически обязывающего меморандума между ПАО «Газпром» и Китайской Национальной Нефтегазовой Корпорацией (CNPC) о строительстве магистрального газопровода «Сила Сибири 2» и транзитного газопровода через территорию Монголии «Союз-Восток». Проект предусматривает ежегодные поставки российского газа в Китай в объеме до 50 млрд куб. м на протяжении 30 лет [32].

Особую значимость проекту придает его потенциальное влияние на социально-экономическое развитие регионов, по которым пройдет трасса. В первую очередь это касается двух субъектов Федерации, принципиально различающихся по своей роли в проекте и по текущему уровню развития: Иркутской области, на территории которой расположена ключевая ресурсная база – Ковыктинское газоконденсатное месторождение (запасы около 1,8 трлн куб. м газа), и Республики Бурятия, выступающей в качестве транзитного региона, остро нуждающегося в газификации и модернизации собственной энергетической и коммунальной инфраструктуры [9; 26].

Однако, как показывают исследования, между декларируемым стратегическим партнерством и реальной инвестиционной активностью существует значительный разрыв. Активность китайских инвесторов в российском энергетическом секторе, по данным опросов, с 2017 года имеет тенденцию к снижению, что обусловлено комплексом системных барьеров: административных, правовых, рыночных и политических [4; 8]. В приграничных регионах эти барьеры приобретают специфические черты, связанные с их географическим положением, отраслевой структурой и институциональной средой.

В основе исследования лежат концептуальные положения экономической географии о приграничных регионах как сложных социально-экономических системах, сочетающих интеграцию в национальное пространство и открытость внешним воздействиям [2; 15]. Особое значение имеет категория «внешнеэкономического фактора», который в приграничных регионах может выступать как драйвером развития, так и источником рисков [22].

При этом следует отметить, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 7; 12; 17; 18; 19; 24; 25; 29; 30; 31; 33; 34].

Однако проблему инвестиционной активности китайских компаний и выявления геопространственных факторов и системных барьеров, определяющих инвестиционную привлекательность Иркутской области и Республики Бурятия в контексте реализации проекта магистрального газопровода «Сила Сибири-2» нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Для количественной оценки отраслевой структуры и уровня специализации хозяйства применен индекс Херфиндаля-Хиршмана (HHI), широко используемый в региональных исследованиях [16; 23]. Формула индекса:

$$HHI = \sum_{j=1}^n s_{ij}^2$$

где s_{ij} – доля j -го вида экономической деятельности в структуре валового регионального продукта (ВРП), занятости или оборота организаций i -го региона. При значении $HHI > 0,18$ экономика региона считается высокоспециализированной, при $HHI > 0,3$ – крайне высокоспециализированной, что характерно для моносырьевых регионов.

Для сравнительной оценки потенциала регионов использован метод рангов по пяти группам факторов: экономическому, природно-ресурсному, социально-демографическому, транспортному и внешнеэкономическому. Интегральный потенциал P_i рассчитывался как сумма рангов R_{ik} :

$$P_i = \sum_{k=1}^5 R_{ik}$$

Корреляционный анализ проведен с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена, позволяющего оценить тесноту связи между факторами [28].

Информационную базу составили данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат) и ее территориальных органов по Иркутской области (Иркутскстат) и Республике Бурятия (Бурятстат) за 2019-2024 гг., материалы Министерства экономического развития РФ, Сибирского таможенного управления, а также результаты опросов инвесторов, представленные в диссертационном исследовании Ван Цзилу [4].

Иркутская область и Республика Бурятия расположены в южной части Восточной Сибири, имеют общую границу и относятся к Байкальскому макро-региону. Оба региона пересекает Транссибирская железнодорожная магистраль, что обеспечивает их транзитную функцию. Однако в контексте газопроводного проекта их роли принципиально различны.

Иркутская область выступает **ресурсной базой** проекта. Ковыктинское газоконденсатное месторождение, разрабатываемое ПАО «Газпром», является уникальным по запасам (около 1,8 трлн куб. м газа и 65,7 млн тонн конденсата). Это предопределяет возможность не только добычи, но и создания мощностей по глубокой переработке сырья – газохимического кластера в районе Усть-Кута [9; 10].

Республика Бурятия, напротив, не обладает собственными запасами углеводородов, но ее территория станет транзитным коридором для газопровода. Отсутствие доступа к магистральному сетевому газу и высокая зависимость от привозного угля и мазута делают газификацию для республики историческим шансом на решение энергетических, экологических и социальных проблем [21; 26].

Расчеты индекса Херфиндаля-Хиршмана по данным Росстата за 2019–2023 гг. выявили кардинальные различия в структуре экономики двух регионов (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение индексов специализации ННІ для Иркутской области и Республики Бурятия (средние значения за 2019–2023 гг.)

Показатель	Иркутская область	Республика Бурятия
ННІ по структуре ВРП	0,22 – 0,24	0,11 – 0,13
ННІ по структуре занятости	0,10 – 0,12	0,09 – 0,11
ННІ по обороту организаций	0,16 – 0,18	0,14 – 0,16
ННІ по структуре экспорта	0,35 – 0,38	0,27 – 0,29

Источники: [13; 3; 20]; расчеты автора.

Для Иркутской области характерен высокий уровень специализации (ННІ_ВРП > 0,22) на добывающих производствах (нефть, газ, уголь) и первичной переработке (нефтепереработка, лесопереработка, алюминиевое производство). Значение ННІ по структуре занятости (0,10 – 0,12) существенно ниже, что указывает на диспропорцию между производственной специализацией и структурой занятости, где велика доля сферы услуг в крупных городах. Экспорт имеет монотоварную структуру (ННІ_экспорт > 0,35): более 50% экспорта приходится на минеральные продукты (нефть, нефтепродукты, уголь), 15–20% – на древесину и целлюлозно-бумажные изделия.

Республика Бурятия, напротив, имеет умеренно диверсифицированную экономику ($HNI_ВРП = 0,11 - 0,13$). Наибольший вклад в ВРП вносят обрабатывающие производства (14-17%, в основном машиностроение: Улан-Удэнский авиационный завод), транспортировка и хранение (12-15%), торговля (12-14%). Экспорт Бурятии диверсифицирован ($HNI_экспорт = 0,27-0,29$), с высокой долей продукции машиностроения (до 40%), что является уникальным для Восточной Сибири конкурентным преимуществом.

Сравнение ключевых индикаторов (табл. 2) показывает, что Иркутская область обладает значительно более мощной энергетической базой (установленная мощность электростанций 12,5 ГВт против 1,4 ГВт в Бурятии) и низкими тарифами на электроэнергию (1,8-2,2 руб./кВт·ч против 3,5-4,0 руб./кВт·ч). Однако уровень газификации области парадоксально низок (1,4%) при наличии колоссальных ресурсов. В Бурятии газификация отсутствует (0%).

Демографический потенциал Иркутской области (2,3 млн чел.) более чем вдвое превышает население Бурятии (0,98 млн чел.), однако миграционный отток квалифицированных кадров и естественная убыль характерны для обоих регионов. Уровень бедности (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума) в Бурятии выше (19,2% против 14,5%), что создает социальный запрос на новые рабочие места.

Таблица 2. Сравнение инфраструктурной и демографической обеспеченности

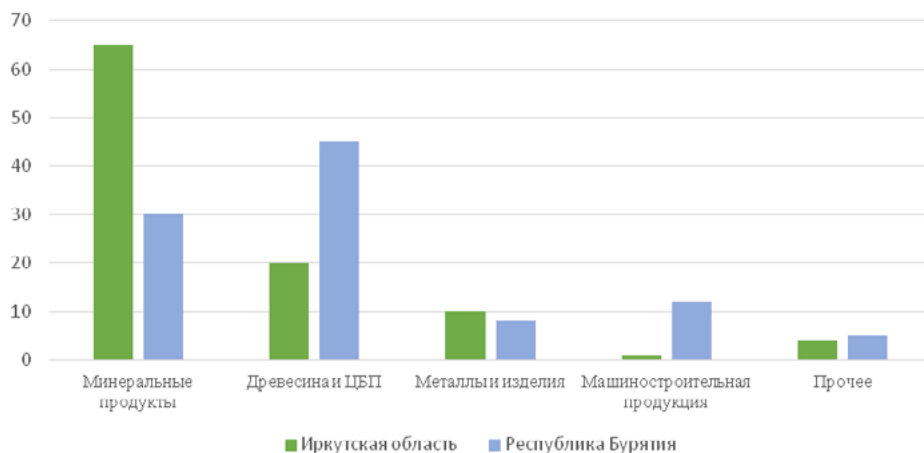
Показатель	Иркутская область	Республика Бурятия
Численность населения, тыс. чел.	2305,6	975,3
Уровень урбанизации, %	79,2	59,1
Уровень газификации природным газом, %	1,4	0,0
Установленная мощность электростанций, ГВт	12,5	1,4
Тариф на э/э для пром. потребителей, руб./кВт·ч	1,8 – 2,2	3,5 – 4,0
Густота железных дорог, км/10 тыс. кв. км	31	42
Доля населения с доходами ниже ПМ, %	14,5	19,2
Уровень безработицы, %	4,8	7,6

Источники: [13; 3; 20; 5]; расчеты автора.

Внешнеторговый оборот Иркутской области в 2024 г. превысил 10,8 млрд долл., экспортная квота составила 22,5%. Доля Китая в товарообороте – 52%. Для Бурятии эти показатели скромнее: оборот – 1,42 млрд долл., экспортная квота – 13,8%, доля Китая – 47,5% [6; 11].

Принципиальные различия наблюдаются в товарной структуре экспорта (табл. 3). Иркутская область поставляет в Китай преимущественно минеральное сырье (нефть, нефтепродукты, уголь) – около 65% экспорта в КНР. Бурятия, напротив, более половины своего экспорта в Китай формирует за счет древесины (45%) и минеральных продуктов (30%), тогда как продукция машиностроения (вертолеты) в Китай практически не поставляется.

Товарная структура экспорта в Китай из Иркутской области и Республики Бурятия, 2024 г. (%)

Анализ показывает, что текущая модель интеграции регионов в китайский рынок носит ярко выраженный сырьевой характер, причем даже для Бурятии, имеющей диверсифицированный экспорт в целом, поставки в Китай остаются преимущественно ресурсными. Это создает риски, связанные с зависимостью от ценовой конъюнктуры и усилением сырьевой специализации.

Данная ситуация имеет глубокие структурные причины. Во-первых, промышленная политика Китая, направленная на развитие собственного высокотехнологичного производства, создает высокие барьеры для входа на его рынок продукции с высокой добавленной стоимостью из-за рубежа. Во-вторых, российские экспортеры, включая предприятия Восточной Сибири, исторически ориентировались на поставки сырья, не имея достаточных стимулов для развития глубокой переработки. В-третьих, отсутствие развитой газораспределительной инфраструктуры в самих регионах ограничивает возможности для использования газа в местной промышленности и энергетике, что консервирует сырьевую модель.

В этих условиях особое значение приобретает вопрос о том, как трансформировать существующую модель интеграции, чтобы минимизировать риски и обеспечить закрепление добавленной стоимости на территории регионов. Одним из ключевых направлений является развитие газоперерабатывающих и газохимических производств, которые способны не только увеличить экспортную выручку, но и создать новые рабочие места, сформировать спрос на продукцию смежных отраслей и повысить налоговый потенциал территорий.

На основе обобщения результатов опросов китайских компаний [4; 8] и анализа региональной специфики выделены ключевые барьеры, препятствующие притоку инвестиций (табл. 4).

Таблица 4. Специфические инвестиционные барьеры в Иркутской области и Республике Бурятия

Вид барьера	Иркутская область	Республика Бурятия
Экономические	Высокая капиталоемкость проектов (газохимия требует инвестиций от 500 млрд руб.), длительные сроки окупаемости (10-15 лет), монополизация сектора ВИНК, дефицит пропускной способности ВСЖД	Низкая емкость внутреннего рынка, высокие тарифы на электроэнергию (до газификации), отсутствие крупных «якорных» проектов
Инфраструктурные	Низкий уровень газификации (1,4%) при наличии ресурсной базы, неразвитость распределительных сетей	Полное отсутствие магистрального газа, неразвитость туристической и логистической инфраструктуры
Институционально-экологические	Общие административные барьеры (бюрократия, избирательное правоприменение)	Жесткие ограничения Байкальской природной территории
Политические	Нестабильность налогового законодательства, санкционные риски	Те же, плюс сложность получения экологических согласований

Важно подчеркнуть, что в Иркутской области доминируют барьеры экономического и корпоративного характера, связанные с масштабом необходимых инвестиций и монопольной структурой отрасли. В Бурятии на первый план выходят инфраструктурные и институционально-экологические барьеры, ключевыми из которых являются отсутствие газа и ограничения БПТ.

Проект «Сила Сибири-2» не только создает новые экономические возможности, но и ставит перед регионами задачу адаптации к меняющейся геополитической реальности. Санкционное давление на Россию, введенное в 2022 году и усиленное в последующие годы, привело к переориентации внешнеэкономических связей на восточное направление, но одновременно создало новые вызовы.

Для китайских инвесторов, рассматривающих возможность участия в российских проектах, ключевыми становятся вопросы предсказуемости правовой среды, стабильности налогового режима и защиты инвестиций.

В Иркутской области и Республике Бурятия эти общие барьеры дополняются региональной спецификой. В первом случае это монополизация ключевых сырьевых активов и дефицит транспортной инфраструктуры, во втором – жесткие экологические ограничения, накладываемые законодательством об охране озера Байкал. Последнее обстоятельство требует особого внимания, поскольку любое инвестиционное решение в пределах Байкальской природной территории (БПТ) должно учитывать не только экономическую эффективность, но и соответствие природоохранным требованиям, что увеличивает сроки согласования и стоимость проектов [21].

Вместе с тем, наличие особого экологического статуса может стать и конкурентным преимуществом, если регион сделает ставку на развитие «зеленой» экономики, экологического туризма и производств, использующих наилучшие доступные технологии. В этом контексте газификация, предполагающая замену угля и мазута природным газом, рассматривается как важнейший шаг к снижению антропогенной нагрузки на уникальную экосистему Байкала.

Исходя из выявленных особенностей, можно выделить несколько перспективных направлений, способных трансформировать территориально-отраслевые структуры хозяйства регионов в сторону большей диверсификации и устойчивости.

Для Иркутской области, обладающей мощной ресурсной базой и развитой гидроэнергетикой, ключевым направлением является создание газохимического кластера. Проекты по переработке этана, содержащегося в газе Ковыктинского месторождения, в этилен, полиэтилен и другую продукцию органической химии, могут стать основой для формирования новых высокотехнологичных производств. Согласно оценкам, реализация такого кластера способна создать не менее 3-5 тысяч прямых рабочих мест и до 15 тысяч рабочих мест в смежных отраслях. Кроме того, развитие газохимии стимулирует спрос на продукцию машиностроения (емкостное оборудование, трубопроводная арматура), строительных материалов и транспортных услуг, что будет способствовать росту малого и среднего бизнеса.

Для Республики Бурятия приоритетным является использование газа для модернизации существующих предприятий и развития новых секторов. Перевод на газ Улан-Удэнского авиационного завода позволит снизить себестоимость продукции и повысить ее конкурентоспособность на внешних рынках. Газификация Гусиноозерской ГРЭС и котельных Улан-Удэ не только улучшит экологическую обстановку, но и создаст условия для привлечения инвестиций в туризм и логистику. Развитие транспортно-логистического комплекса на границе с Монголией (КПП «Кяхта») может стать новым драйвером роста, особенно в условиях расширения торговли между Россией и странами АТР.

Важным направлением для обоих регионов является развитие малой энергетики и распределенной генерации на основе сжиженного природного газа (СПГ). Для удаленных и труднодоступных территорий, где строительство магистральных газопроводов экономически нецелесообразно, использование СПГ позволяет решить проблемы энергоснабжения и перевести на экологичное топливо котельные и транспорт.

Проведенный анализ геопространственных факторов и инвестиционных барьеров в Иркутской области и Республике Бурятия позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов, имеющих значение для разработки региональной политики в условиях реализации проекта «Сила Сибири-2».

Во-первых, подтверждена гипотеза о принципиально разном типологическом статусе двух регионов. Иркутская область выступает ресурсно-индустриальным регионом, обладающим уникальной ресурсной базой и мощным энергетическим потенциалом, что создает предпосылки для создания газохимического кластера. Республика Бурятия является транзитно-инфраструктурным регионом, для которого появление магистрального газа открывает возможность решения острейших энергетических, экологических и социальных проблем.

Во-вторых, количественная оценка с использованием индекса Херфиндаля-Хиршмана выявила высокий уровень специализации экономики Иркутской области ($HNI_ВРП > 0,22$) и монотоварную структуру ее экспорта ($HNI_экспорт > 0,35$), что свидетельствует о рисках «ресурсного проклятия» и зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры. В Бурятии, напротив, экономика умеренно диверсифицирована ($HNI_ВРП = 0,11-0,13$), а экспорт включает значительную долю продукции машиностроения, что является конкурентным преимуществом, однако поставки в Китай остаются преимущественно сырьевыми.

В-третьих, установлено, что инвестиционные барьеры имеют различную природу. В Иркутской области доминируют экономические и корпоративные ограничения (капиталоемкость, монополизация, дефицит пропускной способности железных дорог), требующие применения налоговых стимулов и инфраструктурных инвестиций. В Бурятии на первый план выходят инфраструктурные и институционально-экологические барьеры (отсутствие магистрального газа, жесткие ограничения Байкальской природной территории), что обуславливает необходимость создания базовой инфраструктуры и адаптации экологического законодательства.

В-четвертых, перспективные направления диверсификации включают создание газохимического кластера в Иркутской области, развитие транспортно-логистического комплекса и туризма в Бурятии, а также совместные проекты в сфере распределенной энергетики на основе СПГ. Реализация этих направлений требует активной региональной политики, синхронизированной с федеральными приоритетами и учитывающей специфику каждого региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Абрамов В.Л.** Развитие транспортного маршрута Иртыш-Обь-Северный морской путь в процессе формирования Евразийского транспортного каркаса // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 9.
2. **Бакланов П.Я., Мошков А.В.** Географическая дифференциация территориальных структур хозяйства в Тихоокеанской России // География и природные ресурсы. 2017. № 1. С. 5-15.
3. Бурятия в цифрах. 2024: Краткий статистический сборник / Бурятстат. Улан-Удэ, 2024. 92 с.
4. **Ван Цзилу.** Основные факторы, определяющие инвестиционную активность китайских компаний в энергетическом секторе России: дис. ... канд. экон. наук: 5.2.5. Москва, 2024. 193 с.
5. Внешнеэкономическая деятельность Иркутской области в 2024 году: Статистический бюллетень / Иркутскстат. Иркутск, 2025. 62 с.
6. Внешнеэкономическая деятельность Республики Бурятия в 2024 году: Статистический бюллетень / Бурятстат. Улан-Удэ, 2025. 48 с.
7. **Волков И.Л., Мамахатов Т.М.** Технологические партнерства между МСП России и Китая в производственной сфере – примеры лучшей практики на российском рынке // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 10.
8. **Демина О.В.** Перспективы развития рынков первичных энергоресурсов стран АТР: потенциальная ниша для российских ресурсов // Регионалистика. 2021. Т. 8, № 2. С. 31-53.
9. Доклад о социально-экономическом положении Иркутской области в 2024 году и задачах на 2025 год. Иркутск, 2025. 110 с.
10. Доклад об экологической ситуации в Республике Бурятия в 2023 году. Улан-Удэ, 2024. 95 с.
11. **Жуков С.В., Резникова О.Б.** Страны АТР – ведущий мировой центр спроса на углеводороды // ЭКО. 2021. № 9 (567). С. 8-20.
12. **Земова М.И.** Сложности построения отношений между РК и КНР на разных этапах их развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2026. № 3.
13. Иркутская область в цифрах. 2024: Краткий статистический сборник / Иркутскстат. Иркутск, 2024. 98 с.
14. **Коломак Е.А.** Развитие Сибири в новых геополитических условиях // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 4. С. 1021-1035.
15. **Корниенко О.С.** Внешнеэкономический фактор развития территориально-отраслевых структур хозяйства приграничных регионов юга Дальневосточного федерального округа Российской Федерации: дис. ... канд. геогр. наук: 1.6.13. Владивосток, 2024. 202 с.
16. **Куценко Е., Еферин Я.** «Водовороты» и «тихие гавани» в динамике отраслевой специализации регионов России // Форсайт. 2019. № 3. С. 24-40.

17. **Медведева В.К., Медведев Н.П.** Большая Евразия и российско-китайские отношения // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2025. № 3.
18. **Михайлов Д.В.** Диалог через границы: изучение коммуникации между российскими регионами и китайскими инвесторами // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2026. № 2.
19. **Новосельский С.О., Алеева С.С., Сентищева Е.А., Золкин А.Л., Дремов С.А.** Анализ экспортной активности РФ в условиях санкций // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 6.
20. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2024 году / Системный оператор Единой энергетической системы. М., 2025. 210 с.
21. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1102 с.
22. **Романов М.Т., Корниенко О.С.** Оценка потенциалов развития регионов Дальнего Востока и их внутренних взаимосвязей // Вестник Воронежского университета. Серия: География. Геоэкология. 2018. № 2. С. 40-50.
23. **Романов М.Т., Корниенко О.С.** Анализ специализации и концентрации видов экономической деятельности малых территорий (на примере муниципальных образований Приморского края) // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 17-28.
24. **Русских М.Д.** Российско-китайское сближение: вызовы и перспективы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2026. № 3.
25. **Сергиенко Е.Е.** Северный морской путь и некоторые аспекты российско-китайского взаимодействия в 2025 году // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2026. № 3.
26. Стратегия социально-экономического развития Республики Бурятия до 2035 года. Улан-Удэ, 2024. 165 с.
27. **Сысоева Н.М.** Внешнеэкономическая деятельность приграничных регионов Сибири // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2022. № 10. С. 306-309.
28. **Трегуб И.В.** Эконометрические исследования. Практические примеры. М.: Лань, 2020. 164 с.
29. **Тушков А.А., Амельченко А.Я.** Факторный анализ, определяющий совокупность ключевых особенностей безопасности и стратегического партнерства России и Китая в 2016-2026 гг. // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2026. № 2.
30. **Тянь Синь.** Российско-китайская торговля как часть стратегического партнерства: устойчивое развитие и факторы роста в условиях санкций // Вопросы политологии. 2026. № 3.
31. **Чечикова А.М., Шитикова Ю.А.** ШОС как платформа российско-китайского экономического сотрудничества: проблемы и перспективы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. № 6.

32. **Чжан Синь.** Переговорный процесс по «Силе Сибири-2»: итоги и перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2025. № 5. С. 42-56.
33. **Шкуратова Е.В.** Торговые войны США-КНР как фактор перераспределения географии ВЭД России: оценка страновых рисков и меры риск-менеджмента // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2026. № 2.
34. **Шэнь Дань.** КНР, РФ и будущее глобального порядка: между стратегическим партнерством и асимметричной взаимозависимостью // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2025. № 12.

B.B. GUROBAZAROV

Postgraduate Student, Baikal Institute
of Nature Management SB RAS,
Ulan-Ude, Russia

SCIENTIFIC SUPERVISOR: V.S. BATOMUNKUEV

PhD in Geographical Sciences,
Baikal Institute of Nature Management SB RAS,
Ulan-Ude, Russia

GEOSPATIAL FACTORS AND BARRIERS TO INVESTMENT COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN BORDER REGIONS (CASE STUDY: IRKUTSK REGION AND THE REPUBLIC OF BURYATIA)

Based on a comparative geographical analysis, the article identifies geospatial factors and systemic barriers that determine the investment attractiveness of the Irkutsk Region and the Republic of Buryatia in the context of the implementation of the Power of Siberia-2 main gas pipeline project. Using the index method (Herfindahl-Hirschman Index), the ranking method and correlation analysis, it is shown that the Irkutsk Region acts as a resource-industrial region with a high level of specialization ($HHI_GRP > 0.22$) and a mono-commodity export structure ($HHI_export > 0.35$), while the Republic of Buryatia is characterized by a moderately diversified economy ($HHI_GRP = 0.11-0.13$) and a critical need for gasification. It has been established that investment barriers are of fundamentally different nature: in the Irkutsk Region, economic and corporate constraints (capital intensity, monopolization, shortage of railway capacity) dominate; in Buryatia, infrastructural and institutional-environmental constraints (lack of main gas, strict restrictions of the Baikal natural territory) dominate. The results obtained serve as a basis for developing a differentiated regional policy aimed at consolidating the multiplier effects of large-scale infrastructure projects.

Key words: economy, economic cooperation, Russia, China, energy, border regions, investment barriers, Herfindahl-Hirschman Index, Power of Siberia-2 gas pipeline.